

Юрий Крылов

Родился в Москве, в силу семейных перипетий детство провёл на Урале (с той поры в узких кругах известен как простой уральский парень – чем гордится). Учился, занимался спортом, в положенный срок оказался в армии, где задержался не без ущерба для здоровья. Проживал в Англии – учился, работал преподавателем, в конце 90-х вернулся на Родину.

С 1998 года активно занимается книгоизданием в качестве редактора-концептора. Биографии, некоторые переводы Кьеркегора, Новалиса, Симоны Вейль, Георга Тракля, многих других были впервые изданы в России не без его стараний. Издавался в поэтических антологиях (региональных и международных), толстых журналах, в Сети. В 2023 году в издательстве «Русский Гулливер» увидела свет книга «ЗЛАТОУСТ» (читать как топоним). Стихотворения, переводы, проза.

Проживает и трудится в Москве.

Переводы с языков

Акимицу Танака Легенды и заикание

Заикание

Заикавшийся
Покажется надменным.
А между тем конвульсии
Его гортань сжимают так,
Что каменеет
Слюна.
Как птицы мёртвые, упавшие на землю, немые,
Так и слова его — не произнесены.
Не увидеть же птиц запечатлёнными
Живыми пузырьками темноты
На пёстро-монохромном негативе.
Надменно заикание. Так жир,
Застывший на посуде, недвижим.
На голосе играет пиццикато, сдирая струпья
С истончённой жилки натянутой,
Она теперь порвётся, не прозвучав.
Темнеет гематома на миндалине.
Мутнеет темнота в забытом кинозале.
С поверхности воды к прибрежной кромке
На кварцевый зазубренный песок
Приносит звуки в мятой оболочке
На плёнке водной звуков чешуя.
Размножена густая духота.
И луч увязнет в ней и заикнётся.
Надрежется на остром языке.

Полётный звук прервётся,
При заикании у говоренья изъята скорость,
Обеззвучен рот,
И до глазного дна одна немота.
Незыблемы повязка на глазах
И мутный лёд на придорожных лужах.
Её сдвигая, выпускаешь страх
Неговоренья. Поселяешь ужас.
Крик неисторгнутый взрывает сердце.
Оно цветёт, и это амариллис,
Мгновенно пробирающийся к горлу.
В нём, как полип,
Цветок произрастает, багряный,
Неподвластный непогоде.
На вдохе стужи так не накопить,
Чтобы его багряность отбелить.
Внутри строки и с лязгом, и шипеньем
Язык и луч ведут свой поединок,
Два грома, два ревущих леопарда ярятся
Между склеенными спазмом
Началом языка и мягким нёбом.
За щёку прячь монету, и она умножит заикание.
Не в меру беспокоясь, будешь языком
К ней прикасаться — матовой и серой.
Собачей своры лай неповторим,
Её с трудом запоминаем запах,
Соединяет пластиковым швом
Со звуком запах — только фотоснимок.
Как он понятен, — как тепло руки,
Как непогода и как заиканье,
Но не оно произрастает там,
Откуда голоса не проникают.

Эрозия

Горсту Янссену

Скольжение воды. Ожоги ветра
Умеренно красны на переносице.
Опутанные водорослями смерти,
Звук с заиканьем, — и в округу просятся,
И вязнут в ней, как в истоплённом масле.
Парализуют слух обвалы времени.
В безритмовой конвульсионной пляске
Срывает пуговицы с пуза у беременного,
В нём стержень — амариллис, до момента
Того, когда желеобразный пьяница
Доест реальность — разума плаценту
И этих элементов не останется.
И вот тогда в себя рождает Янссен
Свой алфавит — железо плюс эрозия.
Разорванный и родами, и танцем,
Отцеживает жирное молозиво.
Отлитых литер капли не текут —
Взрывают воздух выхоложенный.
От белых молний у него во рту,
Как ножницами отделяемы,
Отрезки текста. Обрастая льдом,
Они войдут в цветные очи рыб.
Один укол цветным карандашом —
Конец их непотраченной судьбы.
Неполный миг приклеился к среде
Той (бывший неубитый рыбий глаз).
Он золотом подсвечивал себе,

Но свет истёк и в жидкости погас.
Обрушивалась птица на песок,
Песок смешала с каплями тепла.
Фрагмент песчаный красным обволок
Рисунок красный красного стекла.
Железный привкус грохота в слюне,
Слюной проклеен заржавевший китч.
На горле колуна, на порванной губе
Судьба играет новый паралич.
От маяка, ночами навсегда,
Рябь заиканья в гамбургском порту...
Он бреется, и сбритая вода
Такая сладковатая во рту.

О фотографе

Ноги стёсаны щебнем
От ступней до колен.
Этим модным леченьем
Лечит каждый, кто нем,
Свою речь.
Так фронтально, как ветер,
Аравийский самум,
Время — метр на метр,
В идентичный валун —
Влипло.
Больно ль? Больно ли? Больно?
Дверь в реке, аспирин —
Нет — окно слуховое
Отодрал, отворил
Вентиль.
Из отверстия крысы
И шуршат, и текут.
Время, время изгрызли
До часов и минут.
Больно ль?
В белом фотобумаги
Прожигает лучом,
Раньше вспыхнувший магний
В центре времени.
Чьё время?

Гедрюс Маскявичус

1.

В песок и камни сеяли зерно
Руками мёртвыми с тяжёлыми перстнями,
И там зерно лежало меж камнями
У сердца, не отысканного мной.
Горело утешенье на костре
И разлеталось пепельной бумагой.
Оно летит без строчек и помарок
И никогда не прилетит ко мне.
И сны собак будили королей,
Глазами жаб в мир плялились мадонны,
Я слышал оргазмические стоны,
То солнце нежно жарило детей.
Стенали арфы от разрыва струн,
И Ева источала яд глазами,
Ужи шептались между деревьями
В неверном свете трёх неравных лун.
Заухали на ветер три совы,
И три мыша с хвостами серпантинном
Рожениц трёх прогрызли три вагины
И стали вровень высохшей травы.
Детей, сменявших радугу на хлеб,
Автобусы везут в страну Невинность.
И нож судьбы выходит через спину,
И кровью пахнет выменянный хлеб.

2.

Года мои — стираное бельё,
Раскиданы чем-то, чего боюсь.
Но мне-то известно лицо её,
И я от него в конце отлучусь.

За прошлое я заплатил с лихвой,
За новое в будущем заплачу:
Рублями, монетками, сам собой,
О прочих оброках молчу, молчу.
Я падаю, падаю в белый крик:
Каким же весёлым ты был тогда —
Но был я всегда молодой старик,
И кровь моя сладкая, как руда.
И участь подранка — клевать елей
С руки Божества, а возможно, Трёх.
А участь пространства ещё страшней,
И это его Божествам упрёк.

3.

И ты, уже любившая три дня,
сжигала пальцы, согревала холод.
Вытаскивала камни для меня.
Тянула нить из кокона огня.
И оттирала пот камней подолом.
Кипела кровь и падала на снег.
И кровный лёд оплавился неровно.
Искрились перья. Ангел-человек
бежал от поезда, и был полётом бег.
И камнем становился пепел кровный.
Я — чётки. Я — на гвоздике висел.
Пришпиленный к стене больного дома.
Серел и становился чёрным мел.
И дом больной больным огнём горел.
Сгорел и я от шорохов погрома.
Не станет нашим прошлое твоё.
И амальгама в патине утонет.
Огонь на ветер нас не отпоёт:
о том, как пеплом становился лёд,
как я, твой пепел, падаю в ладони.

Фрэнсис Кей Скотт Фицджеральд

Ты любила голой нырять со скал.
Я боялся всегда, за тебя боялся.
Абрис тела — летящий в раздрызг зеркал,
я дрожал до всплеска — потом смеялся.
Мы не ждали писем. Или письма?
Мы совсем не думали друг о друге,
просто были своими с тобой весьма,
просто были во круге или в Округе.
Помнишь в три ящика чёрный комод?
Третий — лишний. Делили, бранились всеу.
Помнишь, карту забыли и поворот —
зарулили туда, где никто не рулит.
Нас спасали редкие фонари.
Нас накрыло таким земным финалом.
За июнем — сворою декабри.
Зимним ветром подуло — и.
Нас не стало.

Из Уильяма Вордсворта

(одна из частей трёхчастного стихотворения)

К Люси

Её никто не знал в лицо,
к груди не прижимал.
Студёный ключ был ей отцом
среди шершавых скал.
Среди гранитных серых скал,
запрятанных в лесу,
фиалка нежная пила
небесную росу.
Звезда сияла в небесах, отлита изо льда.
Однажды Люси отцвела совсем и навсегда.
Среди деревьев и камней лишь ветерок шепнёт:
что Люси нет, но есть звезда.
Что мир теперь не тот.